

Введение

Барабанную дробь
Заглушают сигналы чугулки.
Гром позорных телег –
Громыхание первых платформ.
Крепостная Россия
Выходит
С короткой приструнки
На пустырь
И зовется
Россию после реформ.

(Борис Пастернак)

Поразительное явление: в стране, славной бескрайним самодержавием и полицейскими держимордами, одну из главных государственных задач выполняет общество. То, от чего зависит наполнение государевой казны – определение подлежащего обложению дохода – делают сами плательщики. Это – податные присутствия пореформенной России. Это – то, благодаря чему заслуживает изучения дореволюционная податная система. Соотношение государства и общества – вот то, что требует внимания историков в налоговой теме.

В 1990-е годы, когда историческая наука наслаждалась освобождением от идеологического давления советской эпохи, использование понятия «капитализм» применительно к дореволюционной России могло считаться политическим манифестом. «Капитализм» был в дискриминации как часть формационной теории, про которую даже в советское время было ясно, что она объясняет далеко не всё (вспомним споры об «азиатском способе производства»). Теперь страсти улеглись, и можно использовать это название – всё же достаточно распространённое и у современников тех дней – как идеологически нейтральное обозначение особого периода в российской истории.

Речь идёт о том времени, которое скрывается за принятым в научной литературе эвфемизмом «вторая половина XIX – начало XX века». О том историческом эксперименте, который так отличается и от предыдущего, Петровского, эксперимента, и от последующего, советского. Отличается личной свободой и уважением к частной собственности. И в то же время имеет кое-что общее: быстрый экономический рост с внедрением передовых промышленных технологий. Все три эксперимента окончились крушением, и раз за разом Россия оказывается у разбитого корыта. И по-прежнему нет единства мнений по вопросу о двигателе, который в каждом из этих экспериментов (хотя бы на начальной стадии) обеспечивал прорыв на зависть иностранцам и потомкам.

Предреволюционной России дважды не повезло по части исторического изучения. При советской власти её нельзя было изучать по-настоящему из-за

причин идеологических. Серьёзные исследователи вынуждены были так маскировать свои истинные выводы повторением обязательных клише, что простое понимание смысла их работ представляет для современных студентов почти непреодолимую трудность. С падением же идеологических преград – снизился интерес. Исследователей и читателей манят новые, прежде засекреченные, архивные данные времён более близких к современности. Запретный плод сладок.

Между тем, полноценное изучение советской эпохи возможно лишь в сопоставлении с предыдущими, и прежде всего – с капиталистической Россией как ближайшим по времени опытом. В свою очередь, изучение капиталистической России, даже если оно ведётся автономно, подразумевает подспудное сопоставление с другими эпохами. Изучая, например, фискальную политику И.А. Вышнеградского и голод 1891–1892 гг., не обязательно приводить факты из 1931–1932 гг. Но при оценке смысла этого явления невозможно отвлечься от того, что мы знаем о трагедии начала 1930-х: и о новом масштабе цифр, и о политике советского правительства, резко отличной от действий правительства царского. Так и выяснение методов взаимодействия дореволюционного государства (отнюдь не демократического) с обществом подразумевает сопоставление с тем, что известно нам о системе, окончательно сложившейся в годы «великого перелома». И поиск ответа на вопрос о потайном механизме, который обеспечил невиданный взлёт России в эпоху капитализма.

При советской власти предреволюционная Россия изучалась как общество, катящееся по наклонной плоскости к неизбежному и закономерному краху. Знаменитый двухтомник Б.Н. Миронова¹ открыл другую магистраль. Стало ясно, что дореволюционная Россия может рассматриваться как успешный исторический пример. Как общество, хотя и не лишённое слабостей (особенно по части политического устройства), но всё-таки побуждающее присмотреться к нему в поисках полезного положительного опыта.

Используемые в настоящей работе архивные документы относятся в основном к концу XIX и началу XX в. Однако в центре внимания работы – налоговая система пореформенной России, от реформ Александра II и до установления советской власти. Именно «Великие реформы», а точнее – «Оттепель» середины XIX века, из которой они вырастают, дали толчок появлению нового, свободного и самостоятельного, общества, которому посвящена данная книга.

Налоговая тема – один из насущных повседневных вопросов для дореволюционных публицистов. Едва ли не последний опубликованный очерк Л.Н. Толстого – «Подати»². Знаменитый писатель живописует

¹ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб.: Дм. Буланин, 1999. Т. 1, 2. 548 + 566 с.

² Толстой Л.Н. Три дня в деревне. М.: «Народное издательство», 1910.

страдания крестьян, вынужденных отдавать последнее имущество в уплату недоимок. Именно как часть темы народных страданий налоговый сюжет и сидел в сознании дореволюционных публицистов.

Придя к власти, вчерашние революционеры посмотрели на крестьянские платежи другими глазами. Встала задача наполнения государственного бюджета. Встала проблема политики в отношении крестьян – «мелкобуржуазного элемента». У некоторых деятелей Госплана возникло ощущение, что советское государство берёт с крестьян слишком мало. На защиту крестьян встали Наркомат финансов и Конъюнктурный институт Н.Д. Кондратьева. Борьбе между Госпланом и Наркомфином мы обязаны появлением исследования А.Л. Вайнштейна³ – тогда молодого экономиста, всё же успешного получить дореволюционную университетскую закалку. В лучших традициях дореволюционной статистики Вайнштейн использовал разнообразные статистические источники и передовые математические методы для их обработки. Книга имела целью доказать, что требования Юрия Ларина повысить крестьянские налоги несостоятельны. Для этого автору надо было показать, что дореволюционный (точнее: довоенный) уровень обложения уже достигнут и даже превышен. Завышать тяжесть дореволюционных налогов Вайнштейну было невыгодно. Вывод его гласит, что накануне Первой мировой войны крестьяне Европейской России платили в качестве казённых и местных налогов не более 10 % своего дохода; с учётом обязательных страховых платежей, а также ипотечных платежей и земельной аренды – не более 15 %.

Традиция 1920-х годов канула в Лету вместе с «великим переломом», который был беспощаден к независимым специалистам и требователен к «идеологической правильности» любых печатаемых работ, даже научных. С этих пор крестьянские налоги стали описывать исключительно в контексте народных страданий. Дело сводилось к пересказу крупнейших законодательных перемен, с использованием всех возможных ярлыков по части «проклятого царизма». Показательна судьба одного из дореволюционных публицистов – критиков бездушного самодержавия, гнетущего крестьян непосильными налогами. Молодой приват-доцент Томского университета М.И. Боголепов, своими печатными высказываниями как раз на тему финансов⁴ заслуживший особое внимание Департамента полиции, при советской власти отказался от «юношеского максимализма», работал в Госплане, как экономист стал членкором АН СССР и благополучно умер в 1945 г. В политически значимой

³ Вайнштейн А.Л. Обложение и платежи крестьянства в дореволюционное и революционное время. М.: издание кн. скл. «Экономист» НКФ, 1924.

⁴ Боголепов М.И. Финансы, правительство и общественные интересы СПб: изд-во О.Н. Поповой, [1907].

работе 1929 г. он писал о «полном подчинении плану рыночной стихии»⁵, и об интересах угнетённых крестьян прилюдно не вспоминал.

«Оттепель» середины 1950-х гг. расширила свободу выбора тем исследования. Теперь уже не обязательно было чётко подвёрстывать взятую тему к тем или иным заранее известным выводам, появилась возможность настоящего научного поиска. Одно из его направлений вышло на историю налоговых реформ капиталистической России. Появились статьи, посвящённые «реформам после реформ» – отмене подушной подати⁶, реформе промыслового налога в 1885 г.⁷, отмене круговой поруки⁸, обсуждению подоходного налога⁹. Однако это направление так и не вышло за рамки статей, диссертаций и краткого описания законодательных перемен в рамках изучения промышленно-финансовой истории¹⁰. Богатый фактический материал трудно было обобщить «правильными» выводами. Те выводы, которые напрашивались – о развитии налоговой системы в демократическом смысле при Александре III и раннем Николае II – выглядели чересчур опасно с точки зрения идеологии. «Новое направление» было куда скромнее в своих новшествах, а поплатилось настоящим разгромом¹¹. Налоговая тема «зависла» на целое поколение.

Постепенно создавали себе особую нишу региональные исследования. И если поначалу от исследований на сибирском материале ожидалось выводы, важные с точки зрения общероссийской истории, то после выхода в 1968–1969 гг. пятитомной «Истории Сибири» сибиреведение стало самодостаточным направлением исторической науки. История

⁵ См. подробнее: Кириллов А.К. Михаил Иванович Боголепов и идея планирования народного хозяйства // Личность в истории Сибири XVIII–XX веков: Сборник биографических очерков. Новосибирск, ИД «Сова», 2007. С. 161–172.

⁶ Ананьич Н.И. К истории отмены подушной подати в России // Исторические записки. Т. 94. М.: Наука, 1974. С. 183–212.

⁷ Ананьич Н.И. К истории податных реформ 1880-х годов (Введение дополнительных сборов к промысловому налогу: 3-процентного и раскладочного) // История СССР. 1979. № 1. С. 159–173.

⁸ Симонова М.С. Отмена круговой поруки // Исторические записки. Т. 83. М., 1969. С. 159–195.

⁹ Чернуха В.Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л.: Наука, 1978 (с. 199–243); Боханов А.Н. Вопрос о подоходном налоге в России и крупная буржуазия (конец XIX – начало XX в. // Исторические записки. Т. 114. М., 1986. С. 276–302.

¹⁰ Погребинский А.П. Государственные финансы царской России в эпоху империализма. М.: Финансы, 1968; Шепелёв Л.Е. Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. Л.: Наука, 1987; Шепелёв Л. Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX в. Проблемы торгово-промышленной политики Л.: Наука 1981.

¹¹ Поликарпов В.В. От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века. М.: Индрик, 2008. С. 11–158 (раздел: «Цусима советской историографии»).

налогов затрагивалась прежде всего при изучении крестьянства. Чуткое к местным особенностям законодательство Российской империи создавало простор для скрупулёзного описания «региональной специфики». Но общий смысл был тот же: история налогов подчинялась истории крестьянства, которое страдало, расслаивалось и созревало до революции¹².

Только в 1990-е годы, с появлением монографии В.Л. Степанова¹³, проблему оценки внутренней политики 1880-х и 1890-х гг. удалось преодолеть. В.Л. Степанов первым чётко и убедительно заявил во всеуслышание: «те годы мрачные, глухие» (по выражению А.А. Блока) знаменовались рядом выдающихся реформ. Тем самым был открыт путь и к новому изучению налогов. Не прошло и десяти лет, как вышли две основополагающих книги по этой теме.

Коллективная работа В.Н. Захарова, Ю.А. Петрова и М.К. Шацилло даёт серьёзный общий обзор перемен в податном законодательстве за все века русской истории до большевиков¹⁴. Подытоживая достигнутое исторической наукой к началу XXI в., книга проявляет многочисленные белые пятна, заслуживающие дальнейшего изучения.

Книга О.И. Марискина остаётся до сих пор наиболее серьёзным специальным исследованием по дореволюционным налогам¹⁵. Автор воплотил одну из тенденций историографии «нулевых» годов – сквозные исследования «из царской России в нэп». Действительно, экономические явления эпохи нэпа побуждают к сравнению. «Командные высоты» оставались за государством, и это создаёт коренное отличие между нэпом и капиталистической экономикой. Но непосредственные проявления советской экономики до первых пятилеток – акционерные общества, банки, биржи, частные магазины, налоги – всё это уж очень напоминает царские времена. Ещё одна ценная черта книги Марискина – работа с опорой на низовые материалы отдельного региона. Эту традицию поддержала Е.С. Кравцова, в двух монографиях и докторской диссертации рассмотревшая воплощение налоговых реформ в Курской губернии¹⁶. Наконец, есть отдельная монография

¹² Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Новосибирск: Наука, 1967 (с. 244–263); Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск: Наука, 1983 (с. 113–118, 184–190); Худяков В.Н. Аграрная политика царизма в Сибири в пореформенный период. Томск: изд-во Томского ун-та, 1986 (с. 200–231); Островский И.В. Аграрная политика царизма в Сибири периода империализма. Новосибирск: изд-во Новосибирского ун-та, 1991 (с. 193–226).

¹³ Степанов В.Л. Н.Х. Бунге. М.: РОССПЭН, 1997.

³ Захаров В.Н., Петров Ю.А., Шацилло М.К. История налогов в России. IX – начало XX в. М.: РОССПЭН, 2006. 296 с.

⁴ Марискин О.И. Государство и тягло. Налогообложение крестьянства России во второй половине XIX – первой трети XX века (по материалам Среднего Поволжья). Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2004. 240 с.

⁵ Кравцова Е.С. История сбора налогов в российской провинции на рубеже XIX – XX столетий. Курск: Курский гос. мед. ун-т, 2007. 164 с.; Она же. Опыт организации

по истории податной инспекции, которая тщательно описывает историю этой части бюрократического аппарата на примере Смоленской губернии¹.

К «нулевым» годам относятся и первые «налоговые» публикации Янни Коцониса – первого иностранца, всерьёз занявшегося российской налоговой системой как таковой. К отдельным сюжетам российской налоговой истории западные исследователи обращались и прежде. Обсуждение подоходного налога в парламенте рассматривалось как пример работы политического механизма начала XX в.² Вопрос о степени тяжести податного бремени для различных групп населения обсуждался в контексте затронутой Александром Гершенкроном проблемы роли государства в дореволюционной индустриализации³. Налоговая политика Н.Х. Бунге и его преемников изучалась как проявление правительственного либерализма и одновременно – общественных противоречий царского режима, сохраняющего привилегии дворянам перед купцами⁴. Податная система, таким образом, рассматривалась как один из второстепенных сюжетов для выяснения давно поставленных вопросов. В отличие от предшественников, Я. Коцонис поставил в центр внимания саму систему взимания налогов. В журнальных статьях 2004 г.⁵ он сделал ту постановку проблемы, которая в России в это же время была сделана в малотиражном сборнике⁶.

Два автора независимо один от другого обратили внимание на податные присутствия как парадоксальное сочетание выборного начала и государственных задач. Пытаясь найти объяснение этому явлению, мы двинулись разными путями. Нью-йоркский профессор сделал упор на обсуждение вопроса о смысле податных реформ в правительственных кругах и в публицистике. Важнейшие выводы автора представлены в русскоязычной

налогового дела в России в конце XIX – начале XX столетия. Курск: Изд-во Курского гос. мед. ун-та, 2010. 300 с.; Она же. Модернизация налоговой системы России: 1885–1917 гг.: Дис. ... д.и.н. по специальности: 07.00.02 (Отечественная история). Курск, 2011. 602 с.

¹ Петров Ю.И. История становления податной инспекции в западных губерниях России в конце XIX столетия. М.: ЛЕНАНД, 2015. 224 с.

² Gorlin, Robert. Problems of tax reform in imperial Russia // *Journal of Modern History*. Vol. 49. N 2 (June 1977). P. 246–265.

³ Plaggenborg, Stefan. Staatsfinanzen und Industrialisierung in Rußland. 1881–1903. Die Bilanz der Steuerpolitik für Fiskus, Bevölkerung und Wirtschaft // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. # 44 (1990). S. 123–339.

⁴ Bowman, Linda. Russia's First Income Taxes: The Effects of Modernized Taxes on Commerce and Industry, 1863–1914 // *Slavic Review*. Vol. 52. N 2 (Summer 1993). P. 256–282.

⁵ Kotsonis, Yanni. «Face-to-Face»: The State, the Individual and the Citizen in Russian Taxation, 1863–1917 // *Slavic Review*. Vol. 63 (2004). N 2. P. 221–246; Kotsonis, Yanni. «No Place to Go»: Taxation and State Transformation in Late Imperial and Early Soviet Russia // *The Journal of Modern History*. Vol. 76. N 3 (Sep., 2004). P. 531–577.

⁶ Кириллов А.К. Россия в начале XX века: государство и налогоплательщик // *Государство и личность в истории России. Материалы региональной научной конференции*. Новосибирск, 2004. С. 49–58.

публикации и в монографии, которая вписывает полученные ранее результаты в более широкий временной контекст¹. Я. Коцонис полагает, что с помощью податных присутствий правительство пыталось превратить своих подданных в граждан, привить им чувство гражданского самосознания. Это возвышенное объяснение не может считаться окончательным ответом на поставленный вопрос, так как не учитывает прагматической подоплёки налоговых реформ (внедрение податных присутствий вело к росту налоговых сборов и тем самым представляло выгоду независимо от возможных идеалистических порывов реформаторов). В то же время, объяснение Коцониса несомненно отражает особое положение Минфина как цитадели либерализма в самодержавном правительстве.

Как бы то ни было, работа Я. Коцониса в достаточной мере решает задачу выяснения теоретических оснований податных присутствий. И делает первоочередной задачей изучение их практической работы. Именно с этим и связан второй путь, которым двигалось изучение податных присутствий после 2004 г. Промежуточный итог этой работе подводит настоящая книга.

Книга опирается на источники, собранные на протяжении целого ряда архивных и библиотечных поездок. Толчок к этим экспедициям дало изучение описей фондов казённых палат в Тобольске и Томске. Казённые палаты в губернских центрах ведали всеми делами, относящимися к экономической стороне жизни. Фонды казённых палат насчитывают десятки тысяч дел и входят в число самых объёмных фондов губернских архивов. Ещё в аспирантские годы просматривая эти описи в поисках необходимых мне тогда городских банков, я нередко наткнулся на незнакомые слова, связанные с налоговой тематикой. Непонятное манит. Чтобы уяснить, почему кроме основного промыслового налога существует ещё дополнительный, и что такое земские налоги в отсутствие земства, пришлось заняться системным изучением налоговой системы с учётом всех происходивших в ней перемен.

Складывание этой картины из разбросанных кусочков мозаики было достаточно увлекательным и в итоге дало кое-что новое для понимания общего смысла сочетания реформ и контрреформ в России. В то же время, открылся более глубокий и более интересный пласт документов и явлений дореволюционной жизни. Этот пласт лишь приоткрывается, но далеко не исчерпывается настоящей книгой.

Его изучение связано с архивными фондами податных инспекторов. Их материалы сохранились в виде исключения, а не правила. Но именно в этих фондах хранятся подборки дел по заседаниям налоговых присутствий. Это лишь «остатки былой роскоши», выброшенной или сожжённой за

¹ Коцонис, Янни. Государство и эволюция: налоговая политика и государственные преобразования в России (1863–1925) // Исторические записки. Вып. 10 (128). М: Наука, 2007. С. 19–70; Kotsonis, Yanni. States of obligation: taxes and citizenship in the Russian Empire and early Soviet Republic. Toronto – Buffalo – London: University of Toronto press, 2014. 483 p.

ненадобностью. В числе этих документов – и жалобы плательщиков, и решения присутствия, иногда – с обоснованием и с решением казённой палаты. Есть протоколы заседаний по рассмотрению более общих вопросов – о методах оценки, о процентах «нормальной прибыльности» – которые тоже дают представление о том, как делалось дело. В исключительных случаях есть следы «выяснения отношений» между чиновниками и выборными либо внутри чиновничества.

Подобные материалы сохранились и в связи с крестьянскими налогами, распределением которых между селениями занимались чиновники. Внимательное изучение этих документов позволяет восстановить расклад политических сил и устремления сторон в тех случаях, когда речь идёт о столкновении позиций.

Ещё более интересна группа массовых источников. Их удалось обнаружить всё в тех же фондах казённых палат и податных инспекторов. Во-первых, это «заявления» плательщиков – говоря современным языком, налоговые декларации. Мне известно три таких коллекции – по г. Барнаулу за 1913 год, по Омску и его окрестностям – за 1916-й. Все три сохранились не полностью, а лишь для части алфавита. Тем не менее, каждая насчитывает сотни «заявлений», что допускает их статистическую обработку. Как правило, эти подборки уничтожались по истечении окладного года. Для удобства работы инспектора составляли собственные ведомости. Они вроде бы заменяют «заявления», но на самом деле содержат лишь основные данные: оборот, прибыль, разряд (иногда – цена) свидетельства, сумма дополнительных налогов. Это отсекает целый пласт сведений, хранящихся в первичных документах, в том числе – и данные о том, все ли графы бланка были заполнены (и какие – нет), приняло ли присутствие заявленную плательщиком сумму прибыли (или изменило).

Ещё один массовый источник – «раскладочные приговоры»: постановления сельских сходов о распределении налогов. Общее число приговоров использованной коллекции превышает 1700. Коллекция включает приговоры селений Томского уезда за 1904, 1906, 1907, 1908 годы и небольшими фрагментами – за 1899 г. Происхождение подборки связано с сибирскими податными реформами конца XIX – начала XX века. Особенно впечатлила местных чиновников отмена круговой поруки в Сибири (законом 1906 г.), не подкреплённая распространением правил о раскладке крестьянских налогов, действовавших с 1899 г. в Европейской России. Опасаясь того, что крестьяне теперь станут уклоняться от уплаты налогов (раскладывать их на неимущих плательщиков), чиновники принялись пристально следить за основаниями раскладки, благодаря чему и возникла эта коллекция. Убедившись, что крестьяне не посягают на интересы казны, чиновники охладели к приговорам, но уже собранные документы отчасти сохранились.

И «заявления», и приговоры допускают работу с ними как с материалом для статистических расчётов. Для торговых предприятий мы можем вычислить долю прибыли, взимаемую налогом. Для крестьянских обществ –

долю налога, лежащую на каждое из используемых оснований раскладки (на души, на землю, на имущество). Само по себе это довольно ценно: сводные данные из статистических публикаций (например, из общероссийской погубернской сводки по промысловому налогу за 1912 г.) не позволяют получить статистику на уровне отдельных предприятий. «Статистическое лицо» отдельного плательщика теряется за сводными, усреднёнными данными по участкам и уездам. Сводные данные о крестьянских налогах вообще не позволяют получить данные о различии оснований раскладки между отдельными селениями.

Сверх того, и приговоры, и «заявления» допускают работу с ними как с уникальными документами. То на последней странице «заявления» мы встречаем подробную мотивировку отказа принимать заявленную предпринимателем прибыль, и это даёт представление о методах работы раскладочных присутствий. То в раскладочном приговоре, вместо традиционного «единогласно приговорили», вдруг встретится отголосок борьбы на сходе двух «партий», предлагавших разные принципы распределения налога. Единичные «жемчужинки» такого рода выдают целый класс явлений, никак иначе не документированных.

Эти важнейшие категории источников дополняются материалами, связанными с разработкой законодательства. Главным образом они хранятся в столичном (С.-Петербург) фонде Департамента окладных сборов, заведовавшего в начале XX в. всеми прямыми налогами. До конца XIX в. его деятельность отчасти дублировалась Департаментом торговли и мануфактур, с 1885 г. ведавшим промысловый налог. Именно в департаментах непосредственно готовились те проекты, которые в массовом сознании связаны с именами министров. Должность директора департамента имела ключевое значение для разработки реформ. В числе руководителей Департамента окладных сборов отметился такой видный деятель первой четверти XX в., как Н.Н. Кутлер, перешедший с этой должности в товарищи министра финансов.

В столичных фондах хранятся проекты законов, протоколы их обсуждений в специальных совещаниях, отзывы начальников казённых палат. Парадокс положения реформаторов состоял в том, что для успешного продвижения своих проектов в высших кругах (зачастую консервативно настроенных) надо было доказывать их насущную необходимость, а для этого – иметь отзывы с мест. Им, высокопоставленным столичным руководителям, приходилось обращаться к своим подчинённым на местах в надежде найти единомышленников – но быть притом готовыми натолкнуться и на противников реформ. Часть переписки этого рода (в том числе и местные отзывы, не обязательно сочувственные реформам) сохранилась в фондах казённых палат на местах.

По мере появления на местах штата податных инспекторов (с 1885 г.) казённые палаты как местные органы Министерства финансов начали проводить периодические съезды податных инспекторов, иногда оставлявшие после себя подборки подготовительных материалов в архиве, а иногда – и печатные материалы съездов. Главным образом они посвящены

второстепенным техническим подробностям, однако в некоторых случаях инспектора, говоря о насущных проблемах, указывают тонкости, которые не откладываются в иных источниках.

К исходу первого пятилетия работы податной инспекции при Департаменте окладных сборов появились первые ревизоры по податной части¹. То, чем они занимались – типичные внутриведомственные мероприятия. Главной задачей ревизоров было не выловить плохих работников и заменить их хорошими, а улучшить работу тех, которые есть, подсказать какие-то решения, используемые в других губерниях. Для составления отчёта ревизоры обильно пользовались материалами ревизуемых, то есть во многом смотрели на дело их глазами. В то же время, ревизии сопровождалась объездом территории и личным знакомством с инспекторами, производились неспешно (недели, а то и месяцы) и заканчивались обстоятельными, на десятки или сотни листов, докладами, содержащими помимо прочего и указания на недостатки в работе. Один и тот же ревизор Д.Л. Киреевский проверял работу инспекторов от Сибири до Прибалтики. Возможность сравнения совершенно непохожих регионов сама по себе обеспечивает ценность его замечаний об особенностях постановки дела на местах. За единичным исключением² отчёты эти не опубликованы и ждут своего часа в фонде Департамента окладных сборов.

Случайно оказались недавно опубликованы воспоминания одного из директоров Департамента окладных сборов – Н.Н. Покровского³. Само название книги показывает, что её автор привлёк внимание публикаторов не как налоговый, а как последний министр иностранных дел Российской империи – в этой должности аккуратный и порядочный чиновник оказался из-за «министерской чехарды» на закате династии Романовых. Сам же Николай Николаевич добросовестно описал все этапы своей государственной службы, включая и долголетнюю карьеру в Минфине.

Россия второй половины XIX века – Россия пишущая. Публицистика в виде журнальных статей и специальных брошюр служила ещё одним подспорьем в работе над данной книгой. Впрочем, обсуждение работы собственно податных присутствий попадало на кончик пера публицистов лишь в виде исключения: на фоне таких животрепещущих вопросов, как подоходный налог или винная монополия, это были слишком мелкие подробности. Публицистические источники имеют для данной темы лишь вспомогательное значение.

¹ РГИА. Ф. 573. Оп. 20. Д. 4264. Ревизоры по податной части при Департаменте окладных сборов, 1889–1914 (брошюра; Пг., 1914).

² Отчёт податного ревизора Д.Л. Киреевского о ревизии податной инспекции Акмолинской и Семипалатинской областей в 1902 г. // Сибирские переселения. Вып. 3. Освоение Верхнего Прииртышья во второй половине XVII – начале XX вв.: Сборник документов. Новосибирск: Параллель, 2010. С. 171–233.

³ Покровский Н.Н. Последний в Мариинском дворце. Воспоминания министра иностранных дел. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 488 с.

Из ряда специальных экономических журналов, которые издавались в это время в стране, своей содержательностью выделяется официоз Министерства финансов – «Вестник финансов, промышленности и торговли», выходявший с 1885 г. до ноября 1917 г. Здесь в преддверии реформ помещались пространственные редакционные статьи, объясняющие необходимость и смысл перемен, здесь печатались краткие сообщения о зарубежной экономической жизни, здесь изредка появлялись и публикации, выражающие личные мнения известных экономистов по злободневным вопросам.

Подводя итог обзору источников, подчеркну главное. Российский государственный исторический архив, хранящий фонды министерств Российской империи, часто воспринимается как земля обетованная для специалистов по истории периода капитализма. Материалы, добытые здесь – как венец исследования. В той работе, итогом которой стала данная книга, напротив, обработка столичных фондов была начальным этапом. Некоторые любопытные находки, сделанные в богатейшей коллекции РГИА, всё же, как правило, имеют характер необязательных виньеток. Самые важные выводы обеспечены документами казённых палат и податных инспекторов, податных присутствий и крестьянских обществ одного из российских регионов.

Пристальное изучение первичных документов делает невозможным сплошной охват всей страны в одном исследовании. То, что данная работа выполнена именно на материалах Западной Сибири, обусловлено стечением нескольких обстоятельств.

Первое из них – это удивительный рывок в развитии, который являет нам сама Сибирь на протяжении считанных десятилетий перед революцией. Ещё в 1882 г. классик областнического движения Н.М. Ядринцев в своей знаменитой книге «Сибирь как колония» печалился по поводу того, что Сибирь остаётся страной каторги и ссылки, и с трудом доказывал, что сибирские крестьяне – не какая-то особая этнографическая группа, а те же самые русские. Но в этом же самом году Тобольская и Томская губернии освободились от опеки западносибирского генерал-губернатора, получив от высшей власти своего рода дипломатическое признание наравне с обычными российскими губерниями. И это уже было признанием бесповоротно состоявшейся «русификации Сибири». С приходом же в Сибирь железной дороги плотность её заселения, экономические условия, технологии, культурные привычки стали меняться на глазах. Союз Сибирских маслодельных артелей (с конторой в Лондоне), «высочайше установленный» Челябинский тарифный перелом для сибирского хлеба, проведённая в 1890-е годы серия реформ по великороссийским образцам 1860-х годов – ярчайшие свидетельства сибирского преобразования. В середине 1890-х гг. Транссиб присоединил земли на восток от Урала к экономическому и культурному пространству Европейской России. Восточная Сибирь оказалась всё же слишком далёкой для российских крестьян, без массового притока которых воплощение новых экономических возможностей не могло состояться. Но Тобольская и Томская губернии (вместе с русскими районами Степного края,

находящимися в зоне экономического тяготения Транссиба) окончательно стали обычной русской провинцией.

Как правило, исследования по истории России опираются на материал европейской части страны (нередко – с вычетом из неё южных и западных окраин, богатых на особенности законодательства). Такова сила традиции. Игнорирование Сибири настолько естественно, что даже не требует обоснования. Довольно логично, что в Москве, к которой Берлин вдвое ближе Томска, по отношению к Сибири и в XX в. продолжал действовать стереотип «медведь на улицах». Но как раз общероссийским исследованиям этот шаблон изрядно навредил. К.Н. Тарновский, скрупулёзно искавший успешные и передовые кооперативы среди разоряющихся ремесленных мастерских европейских губерний⁴, получил бы в подтверждение своей идеи «народного капитализма» целую отрасль (маслодельческую), если ли бы обратился к Сибири. Исследователи российских железных дорог⁵ получили бы возможность качественно иной постановки столь резонансного в мировой исторической науке⁶ вопроса о влиянии железных дорог на экономическое развитие страны. Именно сибирский опыт позволяет отделить воздействие железных дорог от воздействия крестьянской реформы и других преобразований 1860-х–1870-х гг. и показать роль железной дороги как локомотива экономики.

Уже из сказанного видно, что «обычная российская провинция» Западная Сибирь имела – как и всякая обычная провинция – свои особенности, важные для изучения общероссийских явлений. Для налоговой отрасли из этих особенностей важны две. Первая – это запаздывание с определением границ крестьянского землепользования. Даже в последние годы перед революцией, несмотря на десятилетия работы «Сибирского межевания» и его преемников, не везде крестьянские общества имели точно отграниченные наделы. На этом основании столичные власти отказывались распространять на Сибирь Положение 1899 г. о порядке взимания крестьянских налогов. За счёт этого в Сибири был поставлен своего рода эксперимент: отмена круговой поруки состоялась в отсутствие важнейшего условия, принуждающего крестьян раскладывать налоги не в ущерб казне. Это даёт уникальный материал для обсуждения вопроса о соотношении законов и традиций в системе сбора налогов.

Ещё одна сибирская особенность – задержка с окончательным установлением здесь советской власти до конца 1919 г. Революция и Гражданская война – время резко ускоренного развития: в считанные годы отменялось одно и создавалось другое, о чём прежде говорили десятилетиями.

⁴ Тарновский К.Н. Мелкая промышленность России в конце XIX – начале XX в. М.: Наука, 1995. 272 с.

⁵ Соловьёва А.М. Железнодорожный транспорт в России во второй половине XIX в. М.: Наука, 1975. 316 с.

⁶ Fogel, Robert W. Railroads and American Economic Growth: Essays in Econometric History. Baltimore: Johns Hopkins Press, 1964. 296 p.

Именно в это время Министерство финансов Омского правительства, продолжившее традиции до-большевистского управления, сделало подоходный налог не элитным, а всеобщим. Так был закреплён выход на новый качественный рубеж, поставлена последняя точка в полувековой эволюции налоговой системы, немного не достигшей этого рубежа на землях, подвластных большевикам.

Не последнюю роль среди причин обращения к Сибири играют организационные обстоятельства. Прежде всего, важен вопрос происхождения архивных коллекций. Структура управления Российской империи была такова, что низшим уровнем разветвлённого государственного управления оставалась губерния. В губернских центрах сотрудники губернских правлений и казённых палат вырабатывали политику, которая затем воплощалась под их присмотром местными деятелями – крестьянскими чиновниками, податными инспекторами, полицейскими исправниками. Планы П.А. Столыпина создать такую же систему на ступень ближе к народу – на уровне уезда – не вышли за рамки законопроектов. Поэтому именно архивы губернских центров хранят самые богатые подборки низовых документов по российской истории периода капитализма.

Так архив Томска, ныне – главного города скромной Томской области, оказался владельцем коллекции документов огромной Томской губернии, в которую укладываются нынешние Новосибирская, Кемеровская области, Алтайский край и Республика Горный Алтай. Сопоставимый по богатству материал хранится в г. Тобольске, который нынче не является даже областным центром, а в начале XX в. служил резиденцией одного из двух западносибирских губернаторов. Особый статус, выходящий за рамки уездного центра, имел Барнаул – столица Алтайского округа, управляемого Кабинетом его императорского величества (Кабинетом ЕИВ). В Государственном архиве Алтайского края отложились дела податных инспекторов, крестьянских начальников и других органов местной власти не только по Барнаульскому, но также по Бийскому и Змеиногорскому уездам, входившим в Алтайский округ. Не всем сибирским столицам повезло. Материалы из бывшего центра Степного края – города Омска – в значительной степени были переданы в Казахстан. Почти весь фонд Омской казённой палаты хранится ныне в Центральном государственном архиве Республики Казахстан.

Экономическая ценность природных запасов оценивается не только по богатству залежей, но и по степени их доступности. Подобно этому, практическая ценность архивной коллекции во многом зависит от степени её доступности для исследователей. Профессиональные историки и подвижники исторического дела А.В. Большакова и А.Г. Караваева, долгие годы руководящие Томским архивом, создали весьма благожелательную для историков атмосферу, позволяющую исследователям работать с высокой производительностью. За счёт этого использование томских материалов оказалось предпочтительным перед использованием материалов многих других, даже крупных, архивов.